

ДЖОН РИД

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОМАНУ ТУРГЕНЕВА «ДЫМ»

Когда Литвинов, вырванный из своего привычного существования, «лишенного тревог и волнений», был захвачен тяжелой страстью, не принесшей ему радости, а затем отвергнут, он поспешил на поезд. Сначала он ощущал опустошенность после сильнейшего нервного потрясения, им пережитого, но потом какое-то успокоение нашло на него. Он «закостенел». Поезд, время уносили его все дальше от того места, где он потерпел жизненное крушение.

«Он принялся глядеть в окно. День стоял серый и сырой; дождя не было, но туман еще держался, и низкие облака заволокли все небо. Ветер дул навстречу поезду; беловатые клубы пара, то одни, то смешанные с другими, более темными клубами дыма, мчались бесконечною вереницей мимо окна, под которым сидел Литвинов. Он стал следить за этим паром, за этим дымом. Бесперывно взвиваясь, поднимаясь и падая, крутясь и цепляясь за траву, за кусты, как бы кривляясь, вытягиваясь и тая, неслись клубы за клубами: они непрестанно менялись и оставались те же... однообразная, торопливая, скучная игра! Иногда ветер менялся, дорога уклонялась—вся масса вдруг исчезала и тотчас же виднелась в противоположном окне; потом опять перебрасывался громадный хвост и опять застилал Литвинову вид широкой прирейнской равнины. Он глядел, глядел, и странное напало на него размышление... Он сидел один в вагоне: никто не мешал ему. «Дым, дым»,—повторил он несколько раз; и все вдруг показалось ему дымом, все—собственная жизнь, русская жизнь,—все людское, особенно все русское. «Все дым и пар»,—думал он; все как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы, явления бегут за явлениями, а в сущности все то же да то же; все торопится, спешит куда-то—и все исчезает бесследно, ничего не достигая; другой ветер подул—и бросилось все в противоположную сторону, и там опять та же безустанная, тревожная и—ненужная игра. Вспомнилось ему многое, что с громом и треском совершалось на его глазах в последние годы... «Дым,—шептал он,—дым...»

«Дым». Но не только Литвинов выразил в этом слове свое отношение к горьчайшим переживаниям, выпавшим на долю его ума и сердца, не только он находил в нем утешение. Сам Тургенев заключил в этом слове свое мироощущение. Глубокое разочарование, охватившее европейских интеллектуалов вслед за разгромом революционного движения в 1848 году, было характерно и для

мыслящей молодежи России, и для следующего поколения людей 80-х годов, столь блестяще запечатленных Чеховым, и для «интеллигенции» в период после поражения революции 1905 года.

Недовольство собой, самоанализ, слабость воли—черты, свойственные этому типу людей, воплощены Тургеневым в одном из его значительнейших созданий—в Рудине. Черты эти повторяются и у многих персонажей «Дыма», в том числе у Литвинова, да свойственны и самому автору романа. Признание тщеты всяких усилий, революции, вообще политических идей, умиротворенность как следствие взгляда на жизнь с точки зрения вечности—эту философию выразил Тургенев еще в «Отцах и детях». Он стремился смотреть на мир с олимпийским спокойствием; ирония самой смерти Базарова свидетельствует о глубоком пессимизме автора. Но едкая сатира в «Дыме» говорила о том, что жизнь еще оставалась для Тургенева ареной борьбы и потрясений.

Распространенный в критике взгляд на Тургенева как на аристократа по рождению и складу характера, который хотел быть прежде всего художником, опровергается его собственной автобиографической заметкой, которую он предпослал полному собранию своих сочинений, изданному в Москве в 1880 году. «Я бросился головою в «немецкое море»,—писал Тургенев о своей поездке в Германию, где он собирался учиться в университете и где, между прочим, другом его студенческих лет был Бакунин.—Мне необходимо нужно было удалиться, чтобы из моей дали сильнее напасть на моего врага. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был—крепостное право». И Тургенев поклялся победить этого «врага». «Это была моя Аннибалова клятва, и не я один дал себе ее тогда... Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить».

О том, как неукоснительно исполнил он эту клятву, можно судить по его первому значительному произведению—«Записки охотника»,—опубликованному около 1852 года. Тургенев так ярко показал в нем тяжелую жизнь крестьян, что общественное мнение России было разбуждено, и с невиданной до того настойчивостью стали раздаваться требования отмены крепостного права. Эту книгу часто называют русской «Хижинной дяди Тома», она появилась почти одновременно с романом Бичер-Стоу. Тема освобождения крестьян пронизывает почти все произведения Тургенева, есть она и в «Дыме», написанном уже после реформы 1861 года. (Между прочим, в 14-й главе романа мы находим окрашенное мягким юмором упоминание о Бичер-Стоу.) Когда Литвинов, потерпевший крушение, с тяжелым сердцем возвращается в свое русское поместье, первое время он чувствует, что бессилён изменить старую систему. «Новое принималось плохо, старое всякую силу потеряло: неумелый сталкивался с недобросовестным, весь поколебленный быт ходил ходуном, как тряси́на болотная, и только одно великое слово «свобода» носилось как божий дух над водами... Но минул год, за ним другой, начинался третий. Великая мысль осуществлялась понемногу, переходила в кровь и плоть: выступил росток из брошенного семени, но уже не растоптать его врагам—ни явным, ни тайным».

Огромный интерес, вызванный произведениями Тургенева в России, объясняется, в частности, тем, что в них присутствует политическая проблематика, тем, что они, помимо лаконизма и изящества художественной формы, отличаются пропагандистской направленностью, тем, что в них ставятся жгучие вопросы своего времени.

«Дым» — это, в частности, отклик Тургенева на острые споры между славянофилами и теми, кто отстаивал для России западные идеалы. Несомненно, что взгляды самого Тургенева высказывает разорившийся дворянин Потугин; да и сам Литвинов, уравновешенный, обычный молодой человек, путешествовавший по Европе, где он изучал ведение сельского хозяйства на научной основе, относился, по глубокому убеждению Тургенева, к тем людям, в которых нуждалась Россия.

Но в то же время наиболее острым нападкам Тургенева подвергалась та русская молодежь, которая, приезжая в Европу, без разбору, со всей присущей славянству восприимчивостью поглощала массу теорий и идей. И ядовитая сатира первых шести глав романа, близкая по духу Диккенсу, не имеет себе равных в литературе.

Однако в ней нет ненависти. Горько посмеиваясь над своими молодыми «интеллектуальными» соотечественниками, Тургенев понимает их. Они, как и он, представители своей среды и ее традиций. Зато на петербургских «аристократов» с их жестокостью и продажностью направлено все презрение писателя.

Жизнь Литвинова во многом напоминает жизнь Тургенева. Подобно своему герою, писатель был сыном «вышедшего в отставку служаки», доживавшего век в своем поместье, а мать Тургенева, как и полагалось родовитой дворянке, жила на широкую ногу, постепенно разоряя имение. В семье Тургенева, как и в доме Литвинова, говорили исключительно по-французски. У слуг и дворни учился будущий писатель русскому языку, великим мастером которого суждено было ему стать.

Как и Литвинов, Тургенев жил в Бадене, там он написал «Дым»; эпизоды и характеры его произведения взяты из самой жизни. Приехал он в Баден, чтобы не разлучаться с певицей Виардо — самым близким другом всей его жизни...

И конечно, образ Ирины отразил личный опыт Тургенева определенной поры. Она одна из трио тургеневских героинь, пылких, обаятельных, приносящих мужчинам лишь страдания; две другие — это Варвара Павловна из «Дворянского гнезда» и Мария Николаевна из «Вешних вод». Но Ирина — самая человеческая и чистая из них троих. Многим мужчинам знакомы такие женщины, подобные львицам, берущие только то, что им нравится, неся окружающему разрушение, подчиняющиеся только сильному мужчине. А Литвинов не был сильным, как и сам Тургенев.

Тургенев принадлежал к плеяде великих русских романистов, выступивших вслед за Гоголем, он был предшественником и современником таких гигантов, как Толстой и Достоевский. Своеобразие русского реалистического романа, отличного по своему методу от западноевропейского, может быть отчасти

объяснено общественно-политическими условиями в России.

Несмотря на политические запреты, русские люди горячо интересовались политикой, а русские романисты были в первую очередь политическими пропагандистами. Но как писать о политике, чтобы тебя печатали и читали? Только воплощая в литературе быт и общественный уклад России, только создавая художественные картины народной жизни и давая читателю возможность сделать собственные выводы. В этом была сила Тургенева...

«Дым», помимо потрясающего эпизода, связанного с Ириной и Литвиновым в Бадене, представляет для нас особый интерес как изображение русского общества не только 60-х годов, но и целой эпохи вплоть до 1917 года: Вот эта «интеллигенция», которая поглощает все европейские идеи, читает все книги, усваивает все европейские теории, симпатизирует западному либерализму, но как только в России начинается революционное движение, в панике отшатывается от революции, обнаружившей всю свою неожиданную мощь. Что же касается продажной и жестокой бюрократической аристократии, которая была свергнута вместе с царем, она перестала существовать, за исключением той ее части, которая, эмигрировав, все еще интригует и плетет заговоры, неспособная осознать собственную обреченность.

В сегодняшней России Советское правительство выпускает Собрание сочинений Тургенева. И народ читает его, восхищаясь художественным мастерством писателя, сопереживая с его героями, воплотившими в себе общечеловеческое, находя в его книгах правдивую летопись эпохи, безвозвратно отошедшей в прошлое.

1919 г.